

Ин Цань, возможно, тоже решил, что тот пьян и несёт чушь, поэтому после окончания танцев и песен он ушёл. В этот вечер он, к удивлению всех, решил следовать правилам и выбрать наложницу, и, как сообщалось, отправился к Юань Синь. Бай Цзыцин мог только догадываться, что скажут о нём в гареме. Уход из Чертога Ганьлу означал потерю расположения, и, видимо, даже поддержка семьи Бай не помогла... Выпив небольшую миску каши, Бай Цзыцин почувствовал сытость. Он выглянул в окно, чтобы определить время, и, почувствовав себя лучше после горячей каши, задумался, стоит ли пойти посмотреть.

Даже если выбор первого места на экзамене был предопределён, его присутствие или отсутствие ничего бы не изменило.

Сяо Цзю не было рядом, и Бай Цзыцин сам переоделся. Идти через Императорский сад было утомительно, поэтому он приказал подать паланкин. Когда он прибыл к залу, как раз в этот момент кандидаты входили внутрь. Бай Цзыцин поспешно остановил слуг и обменялся приветствиями с Чжан Сюнем.

— Брат Сюнь.

Чжан Сюнь обернулся, кивнул нескольким людям рядом и только затем поклонился Бай Цзыцину.

— Гунцзы Бай.

Бай Цзыцин улыбнулся.

— Не виделся несколько дней, а ты ничуть не изменился. Видимо, у тебя действительно крепкие нервы...

Выражение лица Чжан Сюня оставалось спокойным, даже когда он не улыбался, его узкие глаза не выдавали никаких эмоций. Он всегда держался на расстоянии от Бай Цзыцина.

— Говорят, что, не видя человека три дня, можно удивиться его изменениям. Видимо, я не продвинулся вперёд, и гунцзы Бай смеётся надо мной.

— В первый раз, когда мы встретились, ты называл меня Цзыцин... — Бай Цзыцин тихо засмеялся. — Видимо, за три дня изменился я.

— Гунцзы шутит, просто наши статусы изменились... Этикет неизбежен.

Бай Цзыцин оглядел кандидатов, поднимающихся по каменным ступеням в зал. Их было всего около двадцати человек, и среди них несколько тех, кого он видел в резиденции Бай. Все они заметно похудели, потирали руки, и их лица были бледны от напряжения. На этом фоне Чжан Сюнь действительно казался невероятно спокойным. Бай Цзыцин мысленно вздохнул, сделал приглашающий жест и вместе с Чжан Сюнем вошёл в зал.

Они шли и разговаривали, и Бай Цзыцин спросил Чжан Сюня, что он думает о первом месте на экзамене. Чжан Сюнь ответил, что если получит его, то это будет удачей, а если нет, то не стоит сожалеть.

— Только ты можешь так думать.

Как только Бай Цзыцин переступил порог зала, евнух у двери на мгновение застыл.

— Гунцзы Бай прибыл!

Бай Цзыцин медленно прошёл вперёд. В зале сидели многие чиновники из Министерства церемоний, и все повернулись к нему. Он позволил Чжан Сюню пройти вперёд, а сам сделал несколько шагов и почувствовал, как на него уставился чей-то взгляд, острый, как кинжал.

Бай Цзыцин сложил руки в поклоне.

— Цзыцин приветствует Ваше Величество.

В зале на мгновение воцарилась тишина. Голос Ин Цаня прозвучал лишь через некоторое время, и в нём нельзя было уловить эмоций.

— Поднимись.

— Прошу прощения, Ваше Величество, я опоздал...

Бай Цзыцин поднял голову, и взгляд стал ещё более неприятным. Это действительно был Ин Цань.

Он слегка нахмурился, собираясь ответить, но, повернув голову, увидел неожиданного человека. Тот, заметив, что Бай Цзыцин смотрит на него, тоже встал и поклонился.

— Гунцзы Бай.

В зале было две группы людей: с одной стороны сидели чиновники во главе с министром церемоний Цзи Цзэ, а с другой — единственный человек, который не имел никакого отношения к этому делу, — Фан Цзин.

— Гунцзы Фан тоже здесь. — Бай Цзыцин слегка улыбнулся, а затем перевёл взгляд обратно на Ин Цаня, и в его глазах появилось что-то непонятное. Другие не заметили, но Ин Цань понял. Это был взгляд, полный подозрений и сомнений, словно он боялся что-то упустить, что могло бы сделать ситуацию неконтролируемой...

Он тоже нахмурился, и в душе появилось странное раздражение. С того момента, как Бай Цзыцин вошёл в зал, и даже с того момента, как евнух Цинь передал ему сообщение, каждая минута только усиливала его беспокойство. А теперь этот человек просто вошёл в зал, стоял перед ним и смотрел на него сверху вниз, словно на незнакомца.

— Садись.

— Да. — Бай Цзыцин кивнул и сел рядом с Фан Цзином, после чего дворцовый экзамен начался.

Ин Цань, казалось, был полностью сосредоточен на кандидатах, а Бай Цзыцин время от времени бросал взгляды на чиновников из Министерства церемоний.

Среди них был и представитель семьи Цинь, сидевший на расстоянии двух человек от Цзи Цзэ, и оба они выглядели странно. Бай Цзыцин слышал от Бай Шу некоторые слухи о том, что в отделе ритуалов семьи Цинь что-то нечисто, но теперь, увидев их, он почувствовал, что взгляд Цзи Цзэ был ещё более подозрительным.

Все сидели на своих местах, но руки этого чиновника были спрятаны в рукавах и неестественно лежали на коленях. Бай Цзыцин несколько раз видел, как он протягивал руку,

чтобы взять чашку чая, и кончики его пальцев были красными, вероятно, от того, что он долго сжимал их.

Бай Цзыцин с любопытством смотрел на него. Почему Цзи Цзэ так нервничал? Боялся ли он быть вовлечённым? Или... он действительно был невиновен?

На листе бумаги, который дал ему Цуй Даожун, были перечислены сплетни, которыми наслаждались жители столицы. Среди них был популярен Цзи Гу, который, упав с лошади, долгое время находился дома и, похоже, не появлялся на публике.

Бай Цзыцин инстинктивно прикусил нижнюю губу. Чай на столе остыл, он потрогал его рукой, но не стал пить. Ин Цань следовал старой схеме, которую использовал покойный император, давая кандидатам отрывок из классических текстов для написания сочинения. Когда Бай Цзыцин пришёл, экзамен ещё не начался, но к этому моменту участники уже начали писать.

Бай Цзыцин не интересовался темой экзамена. Он долго сидел, и у него начала болеть голова, а в горле снова появилось першение. Он не хотел пить холодный чай, но всё же налил себе чашку.

Фан Цзин сидел рядом, неподвижно, не прикасаясь ни к чаю, ни к фруктам и сладостям на столе, и казался очень беспокойным.

Когда в зале никто не говорил, было тихо. Бай Цзыцин посмотрел на Фан Цзина и постепенно видел, как это беспокойство накапливалось, пока последний кандидат не сдал свою работу, и оно достигло пика.

На глазах у всех нынешний император просмотрел работы. Его лицо выражало добродушную улыбку, он не указал на хорошие или плохие работы и не стал проводить следующий этап вопросов и ответов.

Он попросил Фан Цзина встать.

Бай Цзыцин всё ещё чувствовал холод от чая в своей ладони. Он смотрел, как Фан Цзин в своём небесно-голубом халате сделал несколько шагов вперёд и встал перед кандидатами.

— Дворцовый экзамен завершён, император хочет задать вопрос...

Взгляд Ин Цаня был глубоким, а Фан Цзин не обернулся, что говорило о том, что они заранее подготовились.

— Император спрашивает, кто из присутствующих здесь подал жалобу на мошенничество на государственных экзаменах?

Чжан Сюнь и несколько других кандидатов сделали шаг вперёд и встали на колени, сложив руки в поклоне.

— Император спрашивает, есть ли у вас доказательства участия чиновников в мошенничестве?

— Мы все являемся свидетелями, а вот доказательства... — Чжан Сюнь достал из рукава несколько пачек банкнот, каждая из которых была номиналом в 1 000 лян.

— Император спрашивает, кто, кроме экзаменаторов и чиновников отдела ритуалов, мог войти в ваши комнаты и дать вам эти банкноты?

— По правилам, никто не мог.

— Правда? — Фан Цзин слегка приоткрыл свои алые губы, и его яркое лицо медленно расплылось в улыбке под взглядами всех присутствующих, которые выражали недоумение или шок. — Есть ли среди оставшихся кто-то, кто хочет признаться? Или, может быть, министр Цзи, вы вспомнили, теряли ли вы ключи?

Цзи Цзэ дрожащим голосом встал со своего места.

— Ваше Величество... я не знаю...

Ин Цань приподнял бровь.

— Юньхуа, раз министр Цзи не знает, значит, он не причастен.

— Я... я действительно не знаю! Это... это Цинь Шэн он...

Цинь Шэн, которого неожиданно назвали по имени, спокойно встал. Все в зале опустили на колени, и с точки зрения Бай Цыцина, Цинь Шэн, казалось, собрался с духом и уверенно заявил:

— Я хочу обвинить министра церемоний Цзи Цзэ в том, что он, ради выгоды своих родственников, использовал банкноты в 1 000 лян, чтобы заставить их подписывать чужие имена на экзаменационных работах.

— Враньё! — Цзи Цзэ нахмурился, отказываясь признавать. — Всё это ложь! Какие там мои родственники?! К тому же, эти банкноты были твоими...

— Министр Цзи... — Цинь Шэн медленно произнёс. — Есть ли у кого-то доказательства, что это дело касается меня?

<http://bllate.org/book/16479/1496874>